

ЗНАЕТЕ ли то молчание, когда спор между людьми уже закончен и все на реке делается, как надо? Лед идет, и нас об этом — идти ему или не идти — не спрашивает. Михаил Михайлович Пришвин...

Эти слова, сказанные мудрым и добрым писателем, хотелось бы поставить эпиграфом к рассказу о Владимире Васильевиче Бондаруке, актере Белгородского областного драматического театра имени М. С. Щепкина. Они всегда вспоминаются мне в зрительном зале на спектаклях с его участием, и невольно хочется сказать: знаете ли то молчание, когда появляются на сцене герои Бондарука?.. Тишина наполняет зал, а они живут, и о том — плакать им или смеяться — не спрашивают, мало того — мы сами уже смеемся и плачем вместе с ними, негодуем и сочувствуем, захваченные судьбами этих героев, их делами и переживаниями. А о том, что перед нами заслуженный артист РСФСР Владимир Бондарук, вспоминаем лишь в начале спектакля, когда, естественно, ожидаем от актера интересной работы, и в конце, когда благодарим за еще одну встречу с искусством.

В чем же секрет работы актера? Почему одному из артистов мы верим, а другому... увы, хотя тот, второй, и загримирован получше и внешний рисунок роли у него более отчетлив?.. А впрочем, это, наверное, точно так же, как и в жизни. Приходят в ваш дом два приятеля. Один из них всегда полон новостей, плюс к тому превосходный рассказчик. Вы оживленно слушаете его истории, а уйдет он — и все сказанное, и сам человек как-то быстро забудется. Другой ваш приятель не болсно речист, не так общителен, но с ним вы можете говорить о самом главном, вы верите ему. Он необходим вам.

Однако, конечно же, между вашим хорошим другом и хорошим актером есть одна существенная разница. Первого вы знаете много лет, он проверен на честность, на дружбу. А второму вы почему-то доверяете сразу, без оглядки, еще ничего не зная о том, каков этот человек в жизни. Почему?..

Наверное, в этом и заключается суть таланта актера, концентрирующего в создаваемом им образе многие впечатления своей жизни, свой интеллектуальный потенциал, свой «способ совести». И чем ярче эти впечатления, чем выше внутренняя культура, искреннее помыслы и поступки самого человека, тем убедительнее становится образ, который он создает на сцене.

Владимир Васильевич Бондарук родился в довоенном

Чернигове в дружной и щедрой семье, где любили книги и музыку. Здесь же пошел в школу. Но детство, как и у многих его сверстников, оборвалось внезапно и страшно июньским утром сорок первого года. Вскоре провозили на фронт старшего брата. Он больше не вернулся в свой город, в свой дом. Да и дома-то не осталось, ведь были бомбежки, обстрелы, оккупация. Школу Владимир Васильевич заканчивал уже после

шах очередного сезона они не нашли фамилии уже признанного ими актера. На звонки зрителей администратор театра сухо отвечал: «Переменит место работы». «Уехал», — огорченно вздыхали поклонники. И где уж было им догадаться, что бывший актер Владимир Бондарук по-прежнему работает в их же городе, только... аппаратчиком на заводе искусственного волокна.

— Тогда твердо решил, что

Творческий портрет актёра ПОКОРЯЮЩАЯ ПРАВДА

войны, тогда же и начал заниматься в театральном кружке при городском Доме пионеров. А потом был Харьковский театральный институт и дебют в Чернигове же на сцене украинского музыкально-драматического театра. Несоколько лет В. Бондарук работал в Днепропетровске и вот уже шестнадцать лет играет на сцене Белгородского драматического театра имени М. С. Щепкина.

Казалось бы, все довольно обычно, если говорить о биографии актера. Но давайте пристальнее рассмотрим хотя бы в один из ее этапов — в начало.

— Почему я выбрал профессию актера? — Владимир Васильевич на минуту задумывается, а потом, улыбнувшись, продолжает. — Причин было много. Ну, во-первых, театр любили в нашей семье, во-вторых, драмкружок — самое сильное увлечение детства. А главное, наверное, после тяжелых дней войны как-то по-детски хотелось праздника. И вначале все было действительно праздничным.

Приняли его в Черниговском музыкально-драматическом театре радушно — неплохие внешние данные, хорошая школа. Герой, да и только.

— Не так уж много нужно было тогда, чтобы работать в амплу героя, — улыбается Владимир Васильевич. — Если рост выше метра восьми-десяти сантиметров — значит все в порядке. Помню, поначалу воспринял свое назначение в «герой» довольно восторженно. Еще бы — с институтской скамьи и сразу на первый план. Но это поначалу...

А работы было много, и успехи тоже были. Зрители тепло принимали его героев. Но каково же было их удивление, когда однажды в афи-

из театра ухажу насовсем, — вспоминает актер. — Дело в том, что от роли к роли все чаще стала беспокоить мысль — зачем я здесь? Что я хочу сказать людям? Да и есть ли у меня, что сказать от себя лично? Оказалось, что очень мало. Но тогда зачем заниматься не свое место?

Работа на заводе приносила радость, но день ото дня все ошутимее становилась тоска по сцене. Он считал это чувство слабостью и всеми силами боролся с ним. Но вскоре организовал на заводе драматический кружок. Вместе с товарищами по цеху бывал в театре, а потом в их общегититини ночи напролет спорил о смысле... о сути... о правде. И однажды услышал в свой адрес: «А зря ты, Володя... Ведь твое место там. Ты спрашиваешь, что можешь сказать людям. Расскажи о себе, обо всех нас...»

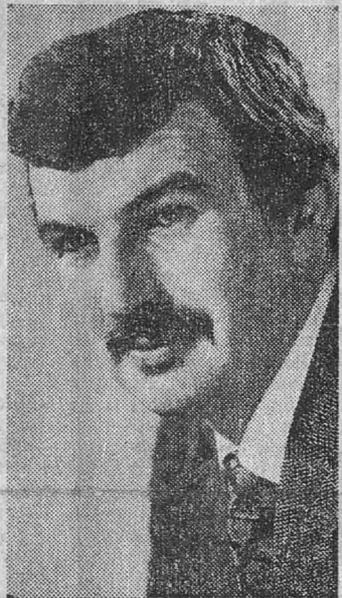
Как знать, может быть, это немудреное напутствие определило саму тему в будущем творчестве актера.

— Тема, — говорит Владимир Васильевич, — это то, что ближе тебе как человеку. Я считаю себя представителем военного поколения. Если нашим старшим братьям суждено было отдать жизни за Родину, то нам, младшим, — все увидеть, выжить и рассказать потомкам. Теперь уже можно сказать, что наше поколение оказалось достойным преемником старших. Но все-таки какое-то смутное чувство вины перед погибшим братом осталось во мне навсегда. Часто задаю себе вопрос: сделал ли я за прожитую жизнь хоть половину того, что он в свои двадцать...

Вот этим, наверное, и объясняется то острое чувство неудовлетворенности актера по отношению к себе, которое заставило его когда-то уйти на завод, а потом сно-

ва вернуться на сцену, и опять сомневаться, отвергать, искать то главное, что необходимо сказать людям.

Такая же бескомпромиссность, требовательность к себе отличает и лучших его героев — Сергея Усова в «Традиционном сборе», Витека в «Варшавской мелодии», Шаманова в «Прошлым летом в Чулимске» и многих других. У этих людей не всегда все получается, а иногда, как у Шаманова, и

вовсе не получается ничего. Но мы постоянно чувствуем, как мучительно пробираются они через что-то в самих себе, не щадя себя. И поэтому мы всегда верим в них.

Один из зрителей сказал мне как-то, что почти все герои Бондарука — молчуны. И действительно — они всегда меньше говорят, чем переживают, думают. Эта их внутренняя наполненность и привлекает зрителей.

Да и сам Владимир Васильевич немногословен. О себе говорит как-то неловко. И охотно, увлеченно — о своих героях, об интересных пьесах, о литературе, об успехах коллег и интересных встречах...

— Помню одну из них. После спектакля, который мы давали в колхозе имени Щепкина, ко мне подошел пожилой человек. Вся жизнь проработал на земле — руки крепкие, мозолистые, на груди — в честь праздника (так он сказал о нашем приезде) — ряд орденов. Его отзыв был немногословен, но каждое слово весомо, прочувствовано, от сердца. Мы долго говорили тогда о войне, о жизни. И слова его были высокими, но не громкими.

Может быть, эта встреча и легла потом в основу создания образа Ивана Зягинцева в спектакле «Полк идет» по роману М. Шолохова «Они сражались за Родину». Помните, как бережно пересыпает

он с ладони на ладонь обожженные зерна пшеницы и, словно вдова над убитым кормильцем причитает: «Как же это?.. как же?..» Нет в этом монологе ни разрывающего душу гнева, ни высокого пафоса ненависти. Скорее удивление ребенка. Видел Зягинцев, как гибли люди на войне, а вот уничтожение хлеба осмыслить не может. И поэтому вступает за саму природу, за все живое и святое, что называется Родиной. Так актер ставит его в один ряд с русскими солдатами всех времен, защитниками России, делая этот образ подлинно народным.

Среди любимых своих героев называет Владимир Бондарук и Шилова из спектакля «Презышение власти». Это тоже человек из народа, потопственный рабочий, старый коммунист. Работа над созданием образа Шилова стала важным этапом в творчестве актера. Он словно объединяет в ней все то главное, что характеризовало лучших его героев. Шилова у Бондарука — человек активной жизненной позиции в самом конкретном смысле этого слова. Он борется за правду не щадя себя, живет по законам своей военной молодости, и в старости оставаясь максималистом, непримиримым к фальши и равнодушию. Как все герои Бондарука, он начисто лишен внешней броскости и суеты. Но есть нечто новое, что вносит актер в эту работу. Его героя отличает высокая культура мысли и чувств, подлинно внутренняя интеллигентность. Бондарук показывает его лучшим представителем своего класса.

Зягинцев, Шилова, Михайлов в «Хлебе» В. Киршона... Герои по-своему очень разные — из разных спектаклей, из разных эпох, но объединяет всех их глубокая убежденность в своих идеях, готовность отвечать за все окружающее.

Безусловно, работа над этими ролями позволила актеру подойти к созданию образа Ленина в спектакле «Революционный этюд» по пьесе М. Шатрова.

— Для этого, — говорит В. Бондарук, — надо было возвести в высшую степень все то главное, что присуще лучшим моим героям, поднять его над всеми и в то же время приблизить к каждому, сидящему в зале.

Работа без грима, отрицая иллюзию портретного сходства, актер рассказывает о титанической работе ума вождя революции, о его простоте и человечности.

И снова замирает в молчании зал, сопереживая, ослепляющая, доверяя... Что ж, это и есть благородство актеру, судьбой своих героев рассказывающему о судьбе народа.

Л. МАКЕЕВА.